

Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития

В.А. Аватков, А.И. Сбитнева

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

В эпоху возникновения новых вызовов и угроз, наиболее опасной из которых является терроризм, Турецкая Республика становится одним из ключевых центров силы на Ближнем и Среднем Востоке, преследующим цель создать вокруг себя региональную архитектуру безопасности и противостоять деятельности различных террористических организаций. Целью исследования является изучение особенностей антитеррористической политики Анкары как внутри страны, так и за её пределами, а также политико-правовых подходов Турции к пониманию феномена терроризма и методов борьбы с этим явлением. Особую важность приобретает изучение аспектов взаимодействия России и Турции по рассматриваемой проблематике. Данный вопрос представляется особенно актуальным в свете укрепления в последние годы российско-турецкого сотрудничества, в частности в области борьбы с терроризмом, обеспечения глобальной и региональной безопасности и поддержания международной стабильности. В результате проведённого количественного контент-анализа публичных речей президента Р.Т. Эрдогана, а также применения общенаучных методов исследования был сделан вывод о том, что руководство страны в действительности придаёт большое значение борьбе с террористической угрозой, в особенности с так называемым «курдским терроризмом». При этом антитеррористическая деятельность Турции имеет определённую специфику и характеризуется, во-первых, стремлением Анкары возглавить антитеррористические миссии в разных частях мира, во-вторых, применением преимущественно милитаристского подхода к решению проблемы, который заключается прежде всего в проведении трансграничных антитеррористических военных операций на территориях близлежащих государств. Однако ставшие неотъемлемой частью политики Турции в сфере борьбы с терроризмом военные кампании во многом не только не способствуют ликвидации террористических элементов, но и становятся дополнительным дестабилизирующим фактором на пространстве Ближнего Востока. Кроме того, ввиду особенностей трактовки Турецкой Республикой термина «терроризм» и осуществления своей политики, зарубежная антитеррористическая деятельность Анкары в большинстве случаев сводится к реализации собственных интересов, а не к достижению поставленных в рамках проводимых операций целей.

УДК: 327, 323

Поступила в редакцию: 03.03.2022 г.

Принята к публикации: 11.06.2022 г.

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, Ближний Восток, Турция, Р. Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, Рабочая партия Курдистана (РПК), PYD/YPG, Террористическая организация фетхуллахистов (FETÖ), курды, антитеррористические операции

По мере трансформации мирового порядка и развития процессов, связанных с глобализацией, многие акторы современных международных отношений столкнулись с проблемой обеспечения безопасности, обусловленной появлением новых вызовов и угроз, одной из которых стал терроризм в различных его проявлениях. В начале XXI в. терроризм приобрёл трансграничный характер, поставив под удар безопасность не только отдельно взятых государств, но и всего мирового сообщества. В условиях динамичного распространения террористической угрозы, а также совершенствования различными группировками форм и методов осуществления террористической деятельности задача разработки эффективной антитеррористической стратегии приобрела статус одной из самых приоритетных для многих субъектов мировой политики.

В особенности с необходимостью осуществления контртеррористической политики столкнулись государства Балканского полуострова, Кавказа, а также Ближнего и Среднего Востока, фактически находящиеся в эпицентре международной террористической активности. В силу того, что многие из этих стран, в том числе по причине сложной внутривнутриполитической обстановки, оказались не способны эффективно противостоять исходящим от террористических образований угрозам, такую ответственность на себя пытаются брать формирующиеся региональные центры силы, политико-правовые подходы которых к борьбе с терроризмом и пониманию данного явления обладают определённой спецификой и в значительной степени отличаются от принятых в других странах мира.

Турецкая Республика является одним из тех государств, геополитическое положение которого объясняет предрасположенность страны к неизбежному возникновению на её территории нетрадиционных угроз, главное место среди которых занимает терроризм (Çakır 2013: 54–55). По состоянию на 2020 г. в представленном Австралийским институтом экономики и мира «Глобальном индексе терроризма», измеряющем уровень террористической активности, из 135 включённых в список стран Турция занимает 18-е место и входит в число государств, где уровень влияния терроризма на состояние страны и благополучие её граждан традиционно оценивается как высокий¹. Результаты количественного контент-анализа публичных речей Р. Т. Эрдогана, отражённые в приведённой ниже диаграмме, также позволяют сделать вывод о том, что проблема

¹ Global Terrorism Index 2020. *The Institute for Economics and Peace*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (accessed 18.06.2022).

терроризма является актуальной для Турецкой Республики и регулярно формирует повестку различного рода мероприятий.

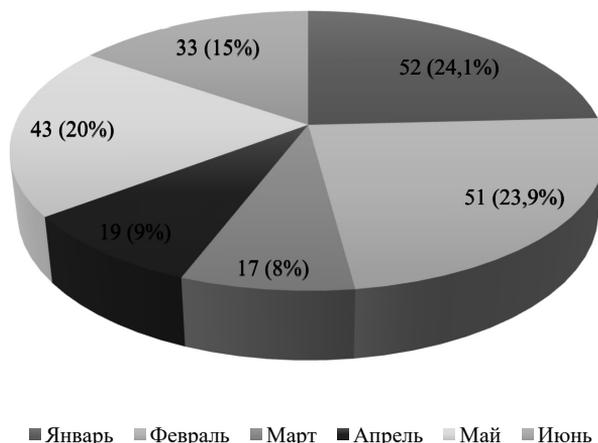

Рис.1. Статистика частоты упоминаний лексемы «терроризм» («terörizm»)* Р. Т. Эрдоганом в ходе публичных выступлений за I полугодие 2021 г. (*с учётом морфологии)

Fig.1. Statistics on the frequency of references to the lexeme "terrorism" ("terörizm") by R. T. Erdogan during public speeches for the first half of 2021 (*considering morphology)*

Так, из 90 выступлений, озвученных лидером Турции за рассматриваемый период, 46 (более половины) в том или ином контексте затрагивали тематику терроризма², а сама лексема «терроризм» при этом прозвучала в общей сложности 215 раз³. Наиболее часто «терроризм» как отдельная лексическая единица упоминался в следующих речах Р. Т. Эрдогана:

- выступление по итогам заседания Кабинета министров⁴ (17 февраля 2021 г.) – 34 упоминания;
- выступление на церемонии вручения премии «Оскар» 2019 г., организованной Ассоциацией телевизионных журналистов⁵ (13 января 2021 г.) – 21 упоминание;
- выступление по итогам заседания Кабинета министров⁶ (17 мая 2021 г.) – 19 упоминаний;

² Девять выступлений – в январе; шесть – в феврале; восемь – в марте; четыре – в апреле; восемь – в мае; 11 – в июне.

³ 52 упоминания – в январе; 51 – в феврале; 17 – в марте; 19 – в апреле; 43 – в мае; 33 – в июне.

⁴ Kabine Toplantısı'nın Ardından Yaptıkları Konuşma. 2021. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 17.02.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/124956/kabine-toplantisi-nin-ardindan-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

⁵ Radyo Televizyon Gazetecileri Derneği 2019 Yılı Medya Oscar Ödülleri Töreni'nde Yaptıkları Konuşma. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 13.01.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/123565/radyo-televizyon-gazetecileri-dernegi-2019-yili-medya-oscar-odulleri-toreni-nde-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

⁶ Kabine Toplantısı'nın Ardından Yaptıkları Konuşma. 2021. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 17.05.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/127915/kabine-toplantisi-nin-ardindan-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

- выступление на встрече с послами стран Евросоюза⁷ (12 января 2021 г.) – 13 упоминаний.

Говоря об исторической стороне вопроса, необходимо отметить, что проблематика терроризма находится на особом контроле Турции начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг. – периода, когда массовое развитие в стране получили леворадикальные движения и активным образом закладывались организационные основы известной сегодня Рабочей партии Курдистана (РПК) (Vila 2016: 21), деятельность которой в современной Турции запрещена и признана террористической. Позже к курдским движениям, осуществлявшим деятельность преимущественно внутри страны, добавился ряд внешних угроз, обусловленных повышенной конфликтностью ближневосточного региона, Балкан и Кавказа, что побудило руководство страны начать разработку комплексных мер, нацеленных на обеспечение национальной безопасности, а также развивать взаимодействие с другими странами мира в данной области.

Принимая во внимание тот факт, что в последние годы расширяется сотрудничество России и Турции в сфере обеспечения международной безопасности и, в частности, борьбы с терроризмом, исследование подходов Анкары к данной проблематике представляется особенно актуальным. Тем не менее дефицит отечественной литературы, посвящённой терроризму в Турции и изучению методов антитеррористической деятельности Анкары, объясняется тем, что запрос на комплексное и глубокое исследование феномена международного терроризма возник только после распада Советского Союза. Именно тогда на повестке дня появился вопрос о необходимости формирования научной дисциплины, изучающей особенности террористической деятельности в разных странах мира и призванной объяснить феномен терроризма, который в особенности актуализировался к началу XXI в.

Говоря о научных подходах к определению и осмыслению феномена терроризма в Турции, стоит отметить, что подробным изучением данного явления турецкие исследователи, как и в России, занялись относительно недавно, что было вызвано всплеском международной террористической активности в начале нового тысячелетия. Так, например, Э. Авджи и Дж.К. Демир утверждают, что спустя год после событий 11 сентября 2001 г. в мире было издано более 150 книг, посвящённых проблеме терроризма (Avcı, Demir 2017: 3), однако в Турции такие научные труды даже в те времена исчислялись незначительным количеством публикаций. «Террорологии» как научной дисциплины, аналогичной той, что формируется сегодня в России, в современной Турции нет, однако исследования в области терроризма, предлагающие новые – соответствующие нынешним реалиям – трактовки данного явления, становятся всё более популярными.

⁷ Avrupa Birliği Ülkeleri Büyükelçileri ile Toplantıda Yaptıkları Konuşma. 2021. *T.C. Cumhurbaşkanlığı*. 12.01.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/123549/avrupa-birligi-ulkeleri-buyukelcileri-ile-toplantida-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

Теоретическую научную базу прежде всего составляют труды Э. Байраклы и У. Улуташа (Bayraklı, Ulutaş 2018), Э. Алана (Alan 2016), Ф. Билы (Bila 2016), изучающих отдельные аспекты террористической деятельности в Турции, в частности, «курдский терроризм» и так называемую «Террористическую организацию фетхуллахистов», а также Н. Ялчинташа, М. Кайнака и А. Алмаза (Yalçıntaş, Kaynak, Almaz 2011), являющихся сторонниками близкого к коммунистическому подхода и считающих террор и террористическую деятельность неизбежными атрибутами новой системы международных отношений, которые будут использоваться различными силами, обладающими «крупным капиталом», в качестве отвлекающего маневра для воплощения своих целей.

Терроризм по-турецки: подходы Анкары к пониманию проблемы

Внутри страны актуальная сегодня проблема терроризма проистекает из исторически нерешённого в Турции национального вопроса, который в особенности отразился на положении курдского меньшинства, проживающего на территории государства. Заложенный ещё М.К. Ататюрком принцип национализма, отождествляющий этническую принадлежность с понятием гражданства, нашёл своё отражение в конституции Турецкой Республики, декларирующей, что все граждане государства являются турками⁸.

Неприятие представителями курдского населения страны такой политики, наряду с ухудшающимся правовым положением национальных меньшинств, что в первую очередь выражалось в притеснении по этнокультурному признаку, вынуждали курдов отстаивать свои права достаточно радикальными методами. Со временем в Турции начали развиваться курдские националистические антиправительственные движения, главной целью которых стала борьба с ненадлежащей национальной политикой государства.

В 1969 г., например, была создана Организация восточной революционной культуры (DDKO), которая на тот момент придерживалась сепаратистской идеологии (Alan 2016: 12), а в 1978 г. курдские активисты основали Рабочую партию Курдистана (РПК), вскоре объявившую вооружённую войну властям Турции, правоохранительным органам, войскам, а также другим госструктурам, которая, по мнению турецких властей, сопровождалась активной террористической деятельностью. Согласно статистическим данным, к концу 1984 г. в результате терактов, осуществлённых РПК, погибло 26 турецких служащих, а также более 40 гражданских лиц (Alan 2016: 24). В дальнейшем деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) приобретала всё более масштабный характер, а количество жертв, скончавшихся в результате осуществлённых её активистами террористических атак и полученных травм, стремительно увеличивалось.

⁸ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. *Türkiye Büyük Millet Meclisi*. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf (accessed 18.06.2022).

На протяжении долгого времени именно противостояние РПК являлось ключевым элементом антитеррористической политики государства. Однако по мере развития международной террористической деятельности, а также перерасстановки сил на внутривнутриполитической арене Турецкой Республики положение дел в значительной степени изменилось. Политика турецких властей по вопросу обеспечения безопасности подверглась пересмотру с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), впервые одержавшей победу на выборах в 2002 г. Приблизительно в то же время существенные изменения претерпела антитеррористическая стратегия Анкары, которая стала тесно переплетена с внешнеполитическим курсом государства и особенно подвержена изменениям, происходящим на международной арене.

В целом политику современной Турции по противодействию терроризму условно можно разделить на два периода, сравнительный анализ которых позволяет проследить ключевые изменения, произошедшие на данном направлении, а также охарактеризовать особенности антитеррористической деятельности правящей элиты страны в период нахождения у власти ПСР.

- **I этап** – эпоха правления и реформ Партии справедливости и развития, (парламентская республика: 2002–2014 гг.), характеризующаяся смягчением и либерализацией мер, направленных на противодействие террористической активности, а также возникновением новых угроз;
- **II этап** – эпоха президентства Р.Т. Эрдогана (президентская республика: с 2014 г. по наст. вр.), предполагающая ужесточение политических подходов и государственной антитеррористической политики, а также изменение методов и специфики её осуществления.

Прежде чем переходить к рассмотрению контртеррористической деятельности Анкары, следует отметить, что в правовом контексте Турецкая Республика является примером государства, не имеющего общедоступных концепций, стратегий, доктрин и иных документов, отражающих цели, задачи и методы по борьбе с терроризмом. Известно, что в 2005 г. Совет национальной безопасности Турции (СНБ) принял документ под названием «Красная книга» или «секретная конституция», в котором международный терроризм рассматривается в качестве главной внешней угрозы, однако более подробное содержание документа остаётся неизвестным.

Попытки оптимизировать работу в данной области были предприняты в 2010 г., когда при МВД Турции было создано специализированное Управление по безопасности и общественному порядку. В компетенцию Управления вошла разработка стратегии в области борьбы с терроризмом, аналогичной документам США и стран Европы, а также отслеживание международной практики в области обеспечения безопасности и публикация этих примеров в специаль-

⁹ В Турции утверждена новая стратегия национальной безопасности. 2005. *РИА Новости*. 25.09.2005. URL: <https://ria.ru/20051025/41883227.html> (дата обращения: 18.06.2022).

ных изданиях, одним из которых стала книга под названием «Национальные и международные стратегические документы в области борьбы с терроризмом» (İnat, Aslan, Duran 2018: 476–477). Однако данный сборник скорее представляет собой пример информационно-образовательной литературы и не имеет статуса официального документа.

Вместе с тем ещё до прихода к власти ПСР по причине увеличения в стране террористической активности правящие круги Турецкой Республики в начале 1990-х гг. начали разрабатывать антитеррористическое законодательство, призванное очертить правовые подходы государства к данной проблематике. Итогом такой деятельности стало принятие в 1991 г. Закона № 3713 «О борьбе с терроризмом», получившего статус основного документа в области правового регулирования контртеррористической деятельности Турции.

В соответствии со статьёй 1 документа, под терроризмом в Турции понимаются «все виды преступлений, совершённые определёнными людьми или членами какой-либо организации и нацеленные на: разрушение изложенных в конституции Турецкой Республики политических, правовых, социальных, экономических и светских принципов; государственности и национального единства; формирование угроз ценностям Турции; ослабление, устранение или захват государственной власти, а также подрыв внутренней и внешней безопасности государства, общественного порядка и общего благосостояния путём применением насилия и других методов, в частности, угроз, запугивания, устрашения и оказания давления»¹⁰.

Такого рода широкая формулировка, не уточняющая, к примеру, что именно подразумевается под действиями, подрывающими государственную безопасность, позволяет властям Турции относить к террористам всех тех, кто по самым минимальным критериям соответствует представленному определению. По понятным причинам на протяжении долгого времени преследованиям на основании нарушения данного закона подвергались представители курдского меньшинства.

Евросоюз, США, РПК – поиск компромиссов

В начале 2000-х гг., в соответствии с провозглашённой ПСР внешнеполитической линией, Анкара начала особенно активно развивать контакты с Западом, в частности с Соединёнными Штатами и Европейским союзом¹¹, что отразилось на политике Турции в сфере обеспечения безопасности. Внутриполитический курс государства в равной степени был ориентирован на прозападные ценности, в рамках которых де-факто направленная против курдов политика турец-

¹⁰ 3713 sayılı Terörle Mücadele Kanunu. *Mevzuat Bilgi Sistemi*. URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹¹ AK Parti Programı. *AK Parti*. URL: <http://m.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi> (accessed 18.06.2022).

кого руководства, именуемая властями антитеррористической, признавалась Западом негуманной. Стоит отметить, что ещё до того, как ПСР возвела курс на вступление в ЕС в ранг своих приоритетных внешнеполитических задач, Европейский парламент в 1990 г. принял резолюцию, осуждающую «курдский терроризм», но при этом призывающую Анкару уважать права национальных меньшинств (Вертяев, Иванов 2015: 222).

Кроме того, важным фактором, вероятно также повлиявшим на изменение курдской политики Турции, стало начатое после 1990-х гг. весьма тесное сотрудничество РПК с США (ближайшим союзником Анкары со времен Второй мировой войны), нацеленное на признание Турцией курдской идентичности (Yalçıntaş, Kaunak, Almaz 2011: 279). Позднее и США, и ЕС, видимо, в знак солидарности с Анкарой, внесли РПК в список террористических организаций¹², однако данный жест впоследствии не помешает Вашингтону оказывать разного рода поддержку курдским организациям других стран, которые Турция также считает террористическими.

Несмотря на желание стать частью объединённой Европы, полностью отказать от противостояния с курдами Турция не могла, – на кону находилась не только общественная безопасность, но и вопрос территориальной целостности, поскольку представители курдского населения страны претендовали не только на расширение гражданских прав, но и в перспективе на предоставление им автономии, которая впоследствии могла перерасти в проект по созданию независимого государства.

Тем не менее под давлением Запада Турция была вынуждена пойти на некоторые уступки. В частности, в начале 2000-х гг. Великое национальное собрание Турецкой Республики (ВНСТ) приняло пакет достаточно либеральных реформ, предусматривающих отмену смертной казни за сепаратизм, разрешение на использование курдского языка, а также внесение некоторых изменений в Закон «О борьбе с терроризмом» (Автор 2012: 130), что должно было снизить уровень напряжённости по курдскому вопросу. В 2009 г. в рамках начатой правительством Р.Т. Эрдогана политики «демократического прорыва», конечной целью которой являлось разоружение РПК и решение курдского вопроса мирным путём, было предложено внести некоторые изменения в конституцию для предоставления школам права проводить факультативные уроки на курдском, возвращения географическим объектам курдских названий, объявления всеобщей амнистии членам РПК, а также для пересмотра понятия «турецкого гражданства» (Altındağ 2020: 42).

Однако планомерное расширение прав курдов не только не приостановило вооружённые столкновения активистов с проправительственными силовыми

¹² США подтвердили террористический статус Рабочей партии Курдистана. 2019. *Известия*. 02.03.2019. URL: <https://iz.ru/851875/2019-03-02/ssha-podtverdili-terroristicheskii-status-rabochei-partii-kurdistana> (дата обращения: 18.06.2022).

структурами Турции, но и способствовало росту амбиций курдского населения. Главным требованием представителей курдского меньшинства стало не столько стандартное расширение прав, сколько предоставление им территории, фактически – создание турецкого Курдистана, а методы борьбы курдов становились все более ожесточёнными. Правящей элите Турции по-прежнему приходилось отражать натиск курдского сопротивления, сопровождающегося кровопролитными атаками и гибелью турецких граждан. Так, по официальным данным, с момента начала борьбы Турции с Рабочей партией Курдистана (РПК) до 2011 г. в результате террористических актов погибло 30 тысяч человек, по неофициальным – гораздо больше (Yalçıntaş, Kaynak, Almaz 2011: 283), и с каждым годом эта цифра растёт.

Эффективность борьбы властей Турции с так называемым «курдским терроризмом» находилась на относительно невысоком уровне не только ввиду отсутствия какого-либо компромисса по курдскому вопросу, но и в связи с динамичным возникновением иных факторов террористической активности – внутренних и внешних, в равной степени оказывающих влияние на безопасность региона в целом и Турции в частности.

ФЕТÖ: от сотрудничества к противостоянию

Помимо активности РПК, подрывающей стабильность государства, на внутривнутриполитической арене Турецкой Республики свои позиции укрепляло движение «фетхуллахистов», которое возглавлял некогда приближенный к Р.Т. Эрдогану влиятельный религиозный деятель и лидер организации ФЕТÖ (Террористическая организация фетхуллахистов) Ф. Гюлен. В 2004 г. связываемыми с ним структурами на территории Турции был открыт Фонд гуманитарной помощи «Разве никого нет?», в 2005 г. – Конфедерация бизнесменов и промышленников Турции (TUSKON), а также мировую известность вскоре получили аффилированное с имамом движение «Хизмет» и так называемые «Образовательные центры Фетхуллаха» (FEM) (Bayraklı, Ulutaş 2018: 18). Именно Ф. Гюлен являлся сподвижником Р.Т. Эрдогана, который начинал свою политическую карьеру с происламских объединений и в начале своего профессионального пути как никогда нуждался в поддержке религиозных лидеров (Надеин-Раевский 2016: 23).

В 2013 г. после получившего широкую огласку коррупционного скандала в правительстве отношения лидера ФЕТÖ с властями в значительной степени ухудшились ввиду того, что Р.Т. Эрдоган, занимающий в то время пост премьер-министра, обвинил своего соратника в создании «параллельного государства», однако первые преследования против организации со стороны Национальной разведывательной организации начались годом ранее, когда, по мнению руководства страны, были осуществлены первые попытки захвата власти (Miş, Aslan 2018: 389).

В соответствии с принятым на официальном уровне определением терроризма, организация FETÖ ещё в те годы могла бы оказаться в списке запрещённых, однако Р.Т. Эрдоган, занимавший тогда пост премьер-министра, судя по всему, стремился закрепить на внутривластном пространстве и «расчищал» дорогу перед выборами 2014 г. менее радикальными методами, постепенно устраняя от власти конкурентов. Незадолго до этих событий, к примеру, в рамках начатой идеологической борьбы с армией, которая исторически являлась гарантом светскости и начала затруднять реализацию «умеренно-исламистского» курса Р.Т. Эрдогана, в 2008 г. в Турции было запущено два уголовных процесса – «Бальоз» и «Эргенекон», сопровождавшихся арестами высокопоставленных военных (Miş, Aslan 2018: 183), обвинённых в попытке организации переворота и свержения правящей ПСР. Подконтрольные Ф. Гюлену организации в то же время начали планомерно вытесняться за пределы страны, что было вдвойне выгодно руководству Турции, с одной стороны, с точки зрения устранения деструктивных элементов во внутривластном пространстве, с другой – в плане расширения возможностей «мягкой силы» Турции руками Ф. Гюлена за рубежом.

Для ликвидации же джемаата Ф. Гюлена и связанных с ним структур из бюрократического аппарата страны у будущего президента Турции на тот момент было недостаточно властных полномочий. Ситуацию, вероятно, осложнял и тот факт, что с середины 1980-х гг. «фетхуллахисты» систематически встраивались в органы безопасности государства и оказывали непосредственное влияние на правоохранные институты, а также Полицию академии Турции и подконтрольные ей учреждения, ответственные в том числе за кадровую подготовку спецслужб (Şik 2017: 122–123).

При этом стоит отметить, что в то время, как ключевые западные коллеги Анкары – США и Европейский союз – не признают опасность FETÖ и рассматривают её скорее в качестве дополнительного рычага влияния на властную элиту Турции, Россия, напротив, стала одной из немногих стран, заявивших об угрозе для своей национальной безопасности связанных с «фетхуллахистами» проектов, большая часть которых несёт в себе идеологию пантюркизма. Так, например, в 2008 г. постановлением Верховного суда России было признано экстремистским турецкое религиозное движение «Нурджулар», а на территории ряда тюркоязычных субъектов страны закрыты школы, учреждённые членами вышеупомянутого движения «Хизмет» (Иванов 2014: 49).

Феномен международного терроризма: реакция Турции

Что касается внешних угроз, то после начала Вашингтоном антитеррористической кампании в ответ на серию террористических актов, осуществлённых в США в 2001 г., многие ближневосточные государства, граничащие с Турцией, стали убежищем для боевиков и иных террористических элементов. Под

«боевиками» в рамках данной статьи понимаются прежде всего нацеленные на осуществление террористических актов вооружённые «бойцы» различных террористических группировок, в том числе иностранные боевики-террористы (ИБТ). В этой связи стоит отметить, что на начальных этапах руководство Турецкой Республики старалось обезопасить себя и свои границы от растущей террористической угрозы, иногда принимая противоречивые с точки зрения союзнических обязательств перед США решения. Важнейшим проявлением этой политики стали действия турецкого руководства в период планирования Вашингтоном антииракской кампании в рамках провозглашённой Доктрины превентивной самообороны: в 2002 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) не поддержало план США по вторжению на север Ирака с помощью расположенных в Турции военных баз и других объектов военного назначения (Özdağ 2015: 447-448). Однако действия Анкары тогда лишь обострили турецко-американские отношения, не предотвратив распространения новых угроз.

Неизбежное в дальнейшем разрушение государственности Ирака стало причиной дестабилизации обстановки на турецко-иракской границе, а начавшаяся впоследствии «арабская весна» способствовала созданию международных террористических организаций, в том числе «Исламского государства» (ИГИЛ)¹³. По мере дальнейшей фрагментации ИГИЛ, а также распространения отделившихся от неё групп вглубь Ирака и Сирии, где высокий фактор террористической активности усугублялся в том числе и разразившейся гражданской войной, впоследствии переросшей в открытое столкновение международных государственных и негосударственных акторов, Турция оказалась особенно подвержена влиянию международного терроризма.

Начало международной террористической деятельности на территории Турции пришлось на 2003 г., когда в Стамбуле произошла серия терактов, осуществлённых группировкой «Аль-Каида»¹⁴. Однако борьба с терроризмом на данном этапе ограничилась лишь судебным разбирательством и последующим вынесением обвинений по тяжким уголовным преступлениям¹⁵. После этих событий Турция, вероятно ожидая поддержки от Соединённых Штатов в борьбе с террористическими элементами, постепенно начала проявлять политико-правовую солидарность с Вашингтоном. В 2005 г. «Аль-Каида» была провозглашена одной из главных угроз, предположительно отражённых в «Красной книге» Турции, куда также была внесена формулировка об угрозе международного терроризма¹⁶, весьма схожая с тезисами, фи-

¹³ Здесь и далее – террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁴ Здесь и далее – террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁵ El Kaide Davası'nın gerekçeli kararı. 2007. *Hürriyet*. 24.04.2007. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/el-kaide-davasinin-gerekceli-karari-6395450> (accessed 18.06.2022).

¹⁶ Гурьев А.А. 2005. Новая концепция национальной безопасности Турции. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/> (дата обращения 18.06.2022).

гулирующими в американской Стратегии национальной безопасности США от 2002 г.

В то время как официальная позиция Турции по вопросу и внутреннего, и международного терроризма стала чётко следовать прозападным догматам, часть турецкого общества видела первоисточник проблем именно в действиях американских коллег. Опрос общественного мнения, проведённый в августе 2005 г. в крупнейших городах страны, показал, что более 66% респондентов, признавая необходимость международного противостояния терроризму, считали источником его распространения политику США на Ближнем Востоке и, в частности, Д. Буша-младшего (Aras, Toktaş 2008: 66).

Тем не менее по мере развития событий на ближневосточном треке политика Турции в области антитеррористических инициатив всё больше тяготела к Западу, что было обусловлено рядом сопутствующих факторов. К моменту расцвета цветных революций в арабских странах на пространстве Ближнего Востока для Турции складывалась достаточно неблагоприятная картина: геополитическая концепция Анкары, осуществляемая под знамёнами дружбы и добрососедства, потерпела сокрушительное поражение. Во главу угла региональной политики Турции в лучших традициях реализма были поставлены национальные интересы (Oğuzlu 2012: 12), которые, однако, оказались труднодостижимыми без координации с Соединёнными Штатами. Кроме того, в зону влияния США Турцию также подтолкнула угроза трансформации внешних угроз во внутренние – ускоренное распространение вооружённых террористов в приграничные с Турцией районы вынуждали её активизировать антитеррористическое сотрудничество именно с Соединёнными Штатами, провозгласившими борьбу с международным терроризмом и рассматривавшими Турецкую Республику как опорную точку НАТО на Ближнем Востоке.

Опережая некоторые события, стоит подчеркнуть, что в этих действиях заключалась главная стратегическая ошибка Турции, ставшая катализатором планомерного ухудшения ситуации: вступление в «антитеррористический фронт» под предводительством США в надеждах обезопасить себя и параллельно решить актуальные проблемы в соседней Сирии не только не уменьшило уровень террористической угрозы, но и спровоцировало распространение организации ИГИЛ и других террористических групп, ранее угрожавших Турции «извне», во внутреннее пространство государства.

В 2013 г. власти Турции официально признали «Исламское государство» террористической организацией, закрыли 12 дернеков, аффилированных с ИГИЛ, и начали тщательные досмотры въезжающих на территорию Турции лиц, а также проверку аккаунтов социальных сетей (Facebook, Twitter и др.) на

¹⁷ The National Strategy of the United States of America 2002. *The White House*. P.5. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed 18.06.2022).

предмет осуществления пропаганды терроризма и вербовки населения¹⁸. Таким образом, вплоть до смены в стране президента, а затем и формы правления борьба Турецкой Республики с международным терроризмом ограничивалась превентивными мерами – несмотря на то, что опасность международного терроризма ощущалась, ИГИЛ долгое время не воспринималась властями всерьёз, и в открытую конфронтацию с членами организации Турция на том этапе предпочитала не вступать.

Новый президент – обновлённые подходы

Эпоха президентства Р.Т. Эрдогана, который возглавил Турецкую Республику в августе 2014 г., совпала с эпохой изменения политических ориентиров государства, а вместе с тем – с периодом коренной трансформации антитеррористической стратегии Анкары, которая, как и в прежние годы, осталась во многом подвержена внешнеполитическому курсу. Турция постепенно отдалялась от Запада в лице США и ЕС и все больше стремилась к Востоку, что в свою очередь отразилось на внутригосударственной и внешней политике страны в области обеспечения безопасности.

В значительной степени, к примеру, ужесточилась риторика президента страны относительно проблематики религиозного терроризма, которая ранее не так явно выносилась на повестку дня. В рамках начатой Р.Т. Эрдоганом политики по защите международного мусульманского сообщества президент Турции решительно осудил теракт в мечети в Новой Зеландии в 2019 г., выразив соболезнования «всему исламскому миру»¹⁹. Вместе с тем достаточно смелые и непопулярные для президента ранее заявления стали озвучиваться первым лицом Турции в отношении тех государств, политика которых не соответствует интересам Анкары. Так, например, за действия Тель-Авива в секторе Газа лидер Турции назвал Израиль «террористическим государством»²⁰. Другие перемены отразились прежде всего на пересмотре политических подходов к терроризму и различным организациям, а также на совершенствовании методов борьбы с угрожающими безопасности Турции террористическими элементами.

С точки зрения правовых подходов ситуация в целом осталась неизменной. Единственным нововведением стало принятие в 2015 г. в соответствии с Законом №3713 «О борьбе с терроризмом» постановления МВД Турции о присуждении специальных выплат лицам, сообщившим какую-либо ценную информа-

¹⁸ Türkiye'nin DEAŞ ile Mücadelesi. 2017. *T.C. İçişleri Bakanlığı*. P. 16, 53. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/lcSite/strateji/deneme/YAYINLAR/%C4%B0%C3%87ER%C4%B0K/deas%20en.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹⁹ Президент Турции решительно осудил теракты мечетях в Новой Зеландии. 2019. *TACC*. 15.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6220031> (дата обращения: 18.06.2022).

²⁰ Эрдоган назвал Израиль «террористическим государством». 2018. *Russia Today*. 14.05.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/news/513023-erdogan-izrail-terroristicheskoe-gosudarstvo> (дата обращения: 18.06.2022).

цию о разыскиваемых преступниках-террористах или готовящихся терактах²¹. Согласно данному документу, террористы в зависимости от тяжести преступлений, в реализации которых они задействованы, были классифицированы по пяти цветам – красному (наиболее опасные лица), синему, зелёному, оранжевому и серому. При ранжировании списков, в частности, учитывалось текущее положение преступника в террористической организации, совершенные им террористические акты, а также количество жертв и пострадавших в результате данной деятельности²².

Политика Р.Т. Эрдогана в отношении курдов

Что касается других изменений, то кризис в отношениях с Европейским союзом и исчезающая перспектива евроинтеграции существенно повлияли на политику турецкого руководства в отношении курдов, заставив правящую элиту вспомнить про «курдский терроризм», необходимость борьбы с данным явлением и одновременно с этим забыть про навыки демократии, выработанные в ходе многолетнего сотрудничества с Западом. Вопрос безопасности стал составной частью предвыборной кампании кандидатов от Партии справедливости и развития, и Р.Т. Эрдогана лично в ходе муниципальных и президентских выборов 2014 г.

Лозунги о мирном сосуществовании сменились речами о нарастающей угрозе. В те годы будущий лидер Турции практически на каждом митинге заявлял об опасности сепаратистской деятельности террористической РПК для единства страны, а также нередко вспоминал о «параллельном государстве», называя эту структуру главной проблемой Турецкой Республики (Göksu 2019: 611). При этом противодействие террористической угрозе постепенно начало восприниматься в политических кругах Турции не только как средство обеспечения национальной безопасности, но и как метод укрепления собственного влияния за счёт сплочения населения вокруг политиков и партий, нацеленных на решение проблемы, актуальность которой росла с каждым днём.

Так, например, антитеррористический дискурс впоследствии был использован правящей партией в ходе предвыборной агитации на парламентских выборах 2015 г., однако, по сравнению с выборной гонкой прошлых лет, акцент с конкретных организаций тогда полностью сместился в сторону терроризма как комплексного явления, представляющего угрозу для всех сфер жизни Турции. «У терроризма нет лица, нет языка, нет национальности, нет религии... А у нас нет страха», – гласит текст видеоролика, выпущенного Партией спра-

²¹ Terör listesi renkle kategorize edildi. 2015. *Habertürk*. 19.09.2015. URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1130581-teror-listesi-5-renkle-kategorize-edildi> (accessed 18.06.2022).

²² Kırmızı, mavi, yeşil, turuncu, gri kategori nedir? İşte aranan teröristlerin listesi. 2019. *TV100*. 17.05.2019. URL: <https://www.tv100.com/kirmizi-mavi-yesil-turuncu-gri-kategori-nedir-iste-aranan-teroristlerin-listesi-haber-458230> (accessed 18.06.2022).

ведливости и развития аккурат перед выборами и сопровождаемого хэштегом #BizimDeKorkumuzYok (*с тур. – У нас нет страха*)²³. Риторика представителей ПСР уже в те годы олицетворяла решимость властной элиты страны выступить в роли борца с терроризмом, а учитывая увеличение угроз, представленных международными террористическими группировками, была воспринята в обществе как вполне своевременная.

Под влиянием растущих амбиций турецкого руководства и перемен на внешнеполитической арене либеральная курдская политика вскоре после прихода к власти Р.Т. Эрдогана сменилась массовыми арестами и масштабными антитеррористическими операциями, направленными на предотвращение атак со стороны Рабочей партии Курдистана. В настоящее время в Турции укрепляется тенденция к предварительному обвинению курдов практически во всех совершённых террористических актах до проведения официального расследования, в связи с чем преследованиям со стороны правоохранительных органов практически ежедневно подвергаются десятки человек, впоследствии осуждённых за нарушение конституции и антитеррористического законодательства страны.

Особую огласку такого рода операции получают в информационном пространстве: турецкие СМИ – в целях отвлечения внимания населения от других внутривнутриполитических проблем, прежде всего экономических – пестрят публикациями о задержаниях предполагаемых членов РПК, предоставляя детальные данные о ходе задержания преступников и самих задержанных. Так, например, в период с сентября 2019 г. по февраль 2020 г. в результате спецопераций в ряде крупных провинций страны, включая Стамбул, Адану, Тунджели, Диярбакыр, Ван и ряд других, было задержано как минимум 80 человек, подозреваемых в членстве в РПК²⁴.

Отдельного внимания заслуживает политика властей Турции в отношении прокурдских объединений, которые не являются запрещёнными, однако также притесняются властями, поскольку рассматриваются в качестве крыла Рабочей партии Курдистана, способствующего запрещённой в стране деятельности. Особую известность в этом контексте получила прокурдская Демократическая партия народов (ДПН). В 2018 г. лидер партии С. Демирташ, который на тот момент времени уже отбывал наказание в тюрьме по обвинению в «членстве в террористической организации», был дополнительно осужден на четыре года и восемь месяцев за «пропаганду терроризма»²⁵. Под «пропагандой» в таких случаях, как правило, подразумевается упоминание РПК или основателя организации А. Оджалана в ходе публичных выступлений, которые расценивают-

²³ Bizim De Korkumuz Yok. 2015. *AK Parti*. 16.10.2015. URL: <https://www.akparti.org.tr/haberler/bizimdekorumuzyok/> (accessed 18.06.2022).

²⁴ PKK Operasyonu. *Hürriyet*. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/haberleri/pkk-operasyonu> (accessed 18.06.2022).

²⁵ Demirtaş'a tahliye kararı: Eski HDP liderinin tutukluluğu kalktı ancak hükümlü olarak cezaevinde. 2019. *BBC*. 01.09.2019. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-49557183> (accessed 18.06.2022).

ся властями как поощряющие деятельность организации²⁶. Более того, в 2021 г. Конституционный суд Турции принял к рассмотрению иск Генеральной прокуратуры о запрете данной ПНД на территории страны по обвинениям в «расколе между государством и народом»²⁷.

При этом оспорить подобные обвинения в суде достаточно сложно. Упомянутый ранее Закон о борьбе с терроризмом подразделяет деяния террористического характера на две группы: первая представляет собой проявления терроризма в общем понимании этого слова, а вторая – общеуголовные преступления, которые в отдельных случаях при наличии определённых признаков могут расцениваться как террористические²⁸, что позволяет властям государства причислять к террористам все лица и организации, хотя бы по минимальным признакам попадающие под нормативно закреплённое определение.

Терроризм «фетхуллахистов»

Тем не менее в наибольшей степени изменения в антитеррористической политике Турции затронули организацию ФЕТÖ, которая стала признаваться властями в качестве террористической. Центральным событием во внутренней политике Турции с момента избрания президентом Р. Т. Эрдогана стала попытка осуществления государственного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., в организации которого власти обвинили Ф. Гюлена. Изначально сам факт военного путча был достаточно болезненно воспринят в правящих кругах ввиду того, что большое внимание в предвыборной программе правящей партии, как уже отмечалось, было уделено именно вопросу обеспечения безопасности и стабильности, который на время стал основой внутривнутриполитического процесса страны.

В то же время слабая организация и координация действий путчистов наряду с отсутствием реакции спецслужб позволяют сделать вывод о том, что эпизод с неудавшимся переворотом вполне вписывался в интересы президента Турции Р.Т. Эрдогана. Именно провал его осуществления предоставил главе Турецкой Республики возможность взять многие процессы в области безопасности под свой контроль и в каком-то смысле сплотить часть населения вокруг своей персоны. В этом контексте особенно интересным представляется рассмотрение событий, произошедших непосредственно после неудавшегося путча.

Во-первых, Р.Т. Эрдоган сразу же начал заявлять о том, что события 15-16 июля 2016 г. представляют собой заговор, а его участников необходимо наказать (при этом зачинщики мгновенно были определены и взяты под стражу).

²⁶ Demirtaş ve Önder'e Terör Örgütü Propagandası Suçlaması. 2016. *Amerika'nın Sesi*. 12.08.2016. URL: <https://www.amerikaninsesi.com/a/demirtas-ve-onder-e-teror-orgutu-propagandasi-suclamasi/3462258.html> (accessed 18.06.2022).

²⁷ Анкара пытается запретить оппозиционную прокурдскую партию. 2021. *Euronews*. 21.06.2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/06/21/turkey-constitutional-court-accepts-indicement-to-ban-hdp> (дата обращения: 18.06.2022).

²⁸ Законодательство Турции по борьбе с терроризмом. *Государственная Дума*. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163> (дата обращения: 18.06.2022).

Во-вторых, за время осуществления переворота не погиб и даже не был взят в заложники ни один из турецких политиков и государственных деятелей, а среди приблизительно 250 человек погибшими числятся только сотрудники спецслужб и гражданские лица (Şık 2017: 70), что несвойственно для такого типа переворотов. Кроме того, после июльских событий по всей стране прокатилась волна массовых «чисток» в ряде государственных структур, а на посты задержанных были назначены сторонники и приближенные Р. Т. Эрдогана. Немаловажен и тот факт, что инцидент с переворотом впоследствии стал использоваться правящей элитой в качестве одного из предлогов для внесения пакета поправок в конституцию Турции, фактически нацеленных на укрепление вертикали власти. Референдум по вопросу изменения основного закона страны был проведён менее чем через год (ровно через девять месяцев) после июльских событий 2016 г. Таким образом, основные привилегии после такого рода «террористического акта» против турецкой государственности получил именно президент страны.

Вместе с тем переворот позволил лидеру Турции начать открытое противостояние с «фетхуллахистами». Не получив должной поддержки США как в ходе самого переворота, так и в вопросе экстрадиции Ф. Гюлена, проживающего в Пенсильвании, Р.Т. Эрдоган запустил по всей стране кампанию спецопераций под предлогом борьбы с террористической FETÖ, которые, однако, по своей сути больше напоминают «охоту на ведьм» во избежание усиления влияния на политическом пространстве конкурентов. Как заявил президент Турецкой Республики, ещё в первые дни после переворота в стране были арестованы 4060 человек (Надеин-Раевский 2017а: 125). В 2019 г. в интервью информационному агентству Anadolu по случаю третьей годовщины переворота, которая теперь ежегодно отмечается в знак общенациональной солидарности и единства, спикер ВНСТ М. Шентоп рассказал об успешной борьбе Турции с FETÖ как внутри страны, так и за её пределами. По словам М. Шентопа, президент Р.Т. Эрдоган в ходе своих зарубежных поездок выступает с призывами вести борьбу с FETÖ, и результатом такой деятельности стало признание некоторыми государствами данной организации как террористической²⁹.

Тем не менее, по мнению турецких аналитиков, несмотря на предпринимаемые правительством меры, полная ликвидация FETÖ представляется трудно-реализуемой задачей. Оставшиеся после «переворота» в Турции члены FETÖ вместо госструктур, вероятно, будут осуществлять попытки проникнуть в турецкое общество и найти своё место там. Часть из них изменит место жительства, а те, кто не смогут этого сделать, будут отрицать любую причастность к организации (Bayraklı, Ulutaş 2018: 156), что в значительной степени осложнит процесс их выявления и контроля.

²⁹ Akan A.K. TBMM Başkanı Şentop: Türkiye FETÖ'ye karşı başarılı bir mücadele yürüttü. 2019. *Anadolu Ajansı*. 12.07.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/15-temmuz-darbe-girisimi/tbmm-baskani-sentop-turkiye-fetoye-karsi-basarili-bir-mucadele-yuruttu/1529721> (accessed 18.06.2022).

При этом с точки зрения интересов Российской Федерации подобные столкновения «фетхуллахистов» с властной элитой Турции олицетворяют позитивную тенденцию как минимум по причине того, что такая политика так или иначе ослабляет ФЕТО как «сетевую» организацию, заинтересованную в том числе в распространении своей идеологии на территорию России.

«Исламское государство» в Турции

Ещё одним вектором внутренней антитеррористической политики Турции, который впоследствии экстраполировался и на внешнеполитическую плоскость, стала борьба с ИГИЛ, действия которой к моменту прихода к власти Р.Т. Эрдогана стали напрямую затрагивать интересы Турции. В 2014 г. члены ИГИЛ в ходе наступления на севере Ирака захватили консульство Турецкой Республики в Мосуле, взяв в заложники до 100 человек (Akad 2015: 268). При этом необходимо отметить, что даже после этих событий высшее руководство Турции пыталось применить политику «двойных стандартов» в отношении террористических структур.

Так, признавая «Исламское государство» террористической организацией, в соответствии с данными Министерства обороны России, Турция на протяжении определенного времени осуществляла закупку нефти у террористов, а глава МИД Сирии в 2015 г. заявил о том, что члены ИГИЛ получали вооружения и другие грузы через территорию Турции³⁰. Правительство Турции подобные обвинения всегда отрицало (Надеин-Раевский 2017б: 198), предположительно, надеясь на благосклонность к ней боевиков в обмен на взаимовыгодное партнёрство. Более того, с 2014 г. Турецкая Республика перестала предоставлять данные о численности иностранных боевиков-террористов турецкого происхождения как в Сирии, так и в Ираке, которых к тому времени неофициально насчитывалось более 5000 человек (Степанова 2020: 95–96). Однако впоследствии окрепшая группировка, членов которой, вероятно, не устраивали растущие амбиции Анкары в Сирии и Ираке, активизировала пропаганду терроризма в том числе и в отношении Турции. С 2015 г. стороны фактически вступили в открытое противостояние, в рамках которого Анкара в первую очередь преследовала цель не допустить формирования внутри и вовне Турции очередной «зоны нестабильности».

Р.Т. Эрдоган, на заре своей президентской деятельности ещё стремившийся получить какие-либо привилегии от партнёрства с Вашингтоном, вскоре вступил в прозападную антитеррористическую коалицию, возглавляемую Соединёнными Штатами. Этому решению способствовали участвовавшие столкно-

³⁰ Минобороны РФ: руководство Турции вовлечено в незаконное получение сирийской нефти от ИГ. 2015. ТАСС. 02.12.2015. URL: <https://tass.ru/politika/2491873> (дата обращения: 18.06.2022).

вения Турции с террористами в приграничных с Сирией районах. Невозможность обеспечить эффективный контроль над границей с Сирийской Арабской Республикой, протяжённость которой составляет более 900 км, а также недальновидная политика турецкого руководства привели к тому, что за 2015–2016 гг. на части сирийско-турецкой границы, контролируемой членами «Исламского государства», от бомбовых ударов погибло около 250 граждан Турции, а пострадало до 1500 человек (Balcı 2017: 351).

Однако поддержка американской антитеррористической инициативы на сирийской земле не предотвратила рост террористической деятельности на территории Турецкой Республики. Начиная с 2014–2015 гг. Турцию захлестнула волна террористических актов, осуществлённых «Исламским государством». В общей сложности террористы ИГИЛ совершили в Турции около 14 крупных терактов, унёсших жизни 304 человек, из которых: 10 – атаки террористов смертников, три – вооружённые нападения и один взрыв³¹. Внутренние меры Турции по борьбе с представителями международного террористического крыла на протяжении нескольких лет традиционно включали в себя антитеррористические операции и массовые аресты, в особенности в приграничных с Сирией городах, таких как Килис и Газиантеп³², однако вскоре их оказалось недостаточно.

В условиях охлаждения отношений Турции с Вашингтоном, обусловленного отсутствием поддержки американскими коллегами Р.Т. Эрдогана во время инцидента с российским Су-24 и попытки переворота 2016 г., на внешнеполитической арене, Турецкая Республика начала уверенный переход к реализации «неоосманизма» – идеологии, предполагающей увеличение международного влияния Турции, в частности на пространстве бывшей Османской империи, и проведение независимого от других стран политического курса, одним из «архитекторов» которой является экс-министр иностранных дел и экс-премьер-министр государства А. Давутоглу (Davutoğlu 2011: 172). В вопросе борьбы с террористической угрозой ко всем перечисленным турецко-американским противоречиям вскоре добавилась поддержка силами США курдских формирований PYD/YPG в Сирии, что подтолкнуло руководство Турции активизировать ресурсы по разработке собственных контртеррористических инициатив не только внутри страны, но и на международной арене. К тому же после ряда внешнеполитических неудач по линии Анкара–Вашингтон, Анкара–Брюссель и Анкара–Москва Р.Т. Эрдоган нуждался в новых «победах», нацеленных на повышение собственного имиджа и имиджа правящей партии.

³¹ Türkiye'nin DEAŞ ile Mücadelesi. 2017. *T.C. İçişleri Bakanlığı*. P. 32. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/lcSite/strateji/deneme/YAYINLAR/%C4%B0%C3%87ER%C4%B0K/deas%20en.pdf> (accessed 18.06.2022).

³² Yeşiltaş M., Özdemir Ö.B., Öncel R., Düz S., Öztürk B. Sınırdaki Düşman: Türkiye'nin DAİŞ ile Mücadelesi. Rapor. SETA. P. 57. URL: <https://setav.org/assets/uploads/2016/06/sinirdaki-dusman-turkiyenin-dais-ile-mucadelesi-pdf.pdf> (accessed 18.06.2022).

Сирия и Ирак: арена для трансграничных операций Анкары

Наиболее эффективным методом, позволяющим решить сразу две актуальные для Турции задачи (повысить международный авторитет государства и обеспечить безопасность), стало проведение крупномасштабных антитеррористических военных кампаний на зарубежных территориях. Принципиальная особенность турецких трансграничных операций заключается в том, что они, как правило, проводятся в стратегически важных для Турции районах, ранее входивших в состав Османской империи, которые по этой причине автоматически рассматриваются властями как зона влияния Турецкой Республики. Другая отличительная черта таких кампаний – их нелегитимность с точки зрения международного права, которая объясняется отсутствием, во-первых, решения СБ ООН о вводе войск, во-вторых, официального приглашения зарубежного государства, следовательно, и каких-либо прав на осуществление военных миссий.

Каждая проведённая Турцией операция была реализована по волеизъявлению её правящих кругов, а не по запросу официального правительства государства, на территорию которого вводился военный контингент, вследствие чего Анкара подвергалась осуждению международного сообщества, включая своих некогда ближайших союзников в лице ЕС, США и, главное, Североатлантического альянса, не принявшего участия ни в одной из турецких кампаний. При этом в случае с Сирией Турция нередко оправдывает свои действия подписанным в 1998 г. Адаанским соглашением, предполагающим возможность введения турецких войск на территорию САР для борьбы с РПК, однако не принимает во внимание пункт о необходимости координации своих действий с официальным Дамаском³³, не признавая в правительстве Б. Асада законную сирийскую власть. Кроме того, президент Турции нередко озвучивает мысль о том, что турецкие войска находятся в Сирии по приглашению сирийского народа³⁴.

Прецедент вторжения Турции на территорию иностранного государства в период ПСР пришёлся на 2007 г., когда Анкара развернула спецоперацию по уничтожению членов РПК в приграничных с Ираком районах, в ходе которой были зафиксированы единичные случаи пересечения турецкими военными иракской границы. Широкомасштабное наступление было развёрнуто позднее, в 2015 г., когда ВС Турецкой Республики вошли в нефтеносные северные провинции Ирака, расположенные в зоне Иракского Курдистана, под предлогом подготовки формирований «Пешмерга» для борьбы с «Исламским государ-

³³ Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Адаанского соглашения. 2020. *РИА Новости*. 05.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200205/1564290324.html> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁴ Эрдоган заявил, что сирийцы сами позвали турецкую армию в свою страну. 2020. *News.ru*. 29.02.2020 URL: <https://news.ru/near-east/erdogan-predlozhit-putinu-ostavit-ankaru-odin-na-odin-s-damaskom/> (дата обращения: 18.06.2022)

ством»³⁵. Однако и тогда, и в 2017 г., когда история с вводом войск повторилась, турецкая помощь Багдаду ограничилась нанесением ударов по курдским позициям³⁶. Кроме того, в 2019 г. на территории Ирака ВВС Турции была начата уже третья по счёту операция «Лапа», также направленная против находящихся на севере страны членов Рабочей партии Курдистана³⁷, а затем проведены операции «Коготь орла-1» и «Коготь орла-2», последняя из которых завершилась в феврале 2021 г.³⁸.

Похожая стратегия борьбы Турецкой Республики с терроризмом прослеживается и на сирийской земле. В 2016 г. после очередного теракта в турецком Газиантепе Р.Т. Эрдоган объявил о начале первой антитеррористической военной операции Турции в Сирии под названием «Щит Евфрата», нацеленной, по его словам, на борьбу с ИГИЛ и курдскими формированиями РYD/YPG³⁹. Реальной же целью внезапно начатой Турцией операции, как и всех последующих военных кампаний, было отеснение курдов от сирийско-турецкой границы, в особенности от бывших османских районов, богатых природными ресурсами.

Власти страны при этом утверждают, что Турецкая Республика никогда не была государством, которое осуществляло в отношении своих соседей политику империализма. Однако, когда речь заходит о защите границ, очерченных ещё «Национальным обетом», документом, который был ратифицирован последним османским парламентом, Турция, по их словам, не может остаться в стороне и в целях защиты своей государственности и предотвращения возникновения угрожающего безопасности приграничных районов нефтяного коридора вынуждена осуществлять подобные военные кампании (Çeçen 2018: 242), по своей сути и олицетворяющие империализм в новой форме. Вместе с тем некоторые турецкие эксперты придерживаются весьма амбициозной точки зрения, полагая, что турецкие операции, в частности «Щит Евфрата», не только помогли предотвратить возникновение террористического коридора в регионе, но и дали возможность Турции на своём примере продемонстрировать мировому сообществу эффективную модель борьбы с терроризмом (İnat, Aslan, Duran 2018: 333). Однако в международном сообществе существует альтернативное мнение о том, что действия Турецкой Республики против курдских РYD/YPG в Сирии не только не снижают уровень террористической угрозы, но и смещают

³⁵ Türkiye'nin Başika'da Yürüttüğü Eğitim Faaliyeti Hk. 2015. *T.C. Dışişleri Bakanlığı*. 08.12.2015. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-303_-8-aralik-2015_turkiye_nin-basika_da-yuruttugu-egitim-faaliyeti-hk_.tr.mfa (accessed 18.06.2022).

³⁶ Турция подтвердила воздушные удары по позициям курдов в Сирии и Ираке. 2017. *РИА Новости*. 25.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170425/1493042138.html> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁷ Tetik Ü. Türkiye'nin Terörizmle Mücadelesinde Çoklu Öncelik Stratejisi. 2019. *SETA*. 03.12.2019. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-terorizmle-mucadelesinde-coklu-oncelik-stratejisi/> (accessed 18.06.2022).

³⁸ У Анкары длинные когти. Турция провела новую операцию в Ираке. 2021. *Коммерсантъ*. 15.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692088> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁹ Erdoğan'dan 'Fırat Kalkanı' harekâtı için ilk açıklama, Salih Müslim'e sert yanıt. 2016. *Cumhuriyet*. 24.08.2016. URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdogandan-firat-kalkani-harekati-icin-ilk-aciklama-salih-muslim-e-sert-yanit-589838> (accessed 18.06.2022).

акцент этих формирований с борьбы против ИГИЛ на вынужденные ответные действия против Турции⁴⁰.

Важно отметить, что Турция на самом деле считает свои антитеррористические (в действительности – антикурдские) инициативы уникальными и, что наиболее важно, проводит активную пропаганду такой деятельности посредством SMM-технологий в информационном пространстве, «рекламируя» подобные свои проявления доброй воли во имя мира, борьбы с терроризмом и заодно во имя демонстрации своих военных возможностей. К примеру, на обложку одного из выпусков ежемесячного журнала «Бюллетень Турции»⁴¹, выпускаемого ПСР, был помещён коллаж, посвящённый начатой незадолго до этого операции «Источник мира», а в соцсетях мгновенно были распространены хэштеги, связанные с этим событием. Важно понимать, что данный случай – не единичный, и так происходит каждый раз, когда Генштаб Турции объявляет о начале очередных трансграничных манёвров.

Таким образом, на внешнеполитическом направлении Турция перешла к так называемой «стратегии нескольких приоритетов», в рамках которой провозгласила многовекторную борьбу с терроризмом, нацеленную на проведение постоянных антитеррористических кампаний⁴², которые, однако, также объясняются увеличением числа внерегиональных игроков на ближневосточном пространстве. Ввод ВКС России в Сирию в 2015 г. и деятельность в регионе Соединённых Штатов сильно ударили по амбициям «неоосманской» Турции, которая, играя на опережение, на случай развития сценария федерализации Сирийской Арабской Республики, стремилась в прямом смысле слова завоевать определённый сектор влияния.

По этой и другим причинам со времён «Щита Евфрата», завершившегося в марте 2017 г., в Сирии было проведено ещё три военных операции⁴³ – «Оливковая ветвь» в январе–марте 2018 г., «Источник мира» в октябре 2019 г. и «Весенний щит» в феврале–марте 2020 г., серьёзно осложнившая обстановку в регионе и российско-турецкое взаимодействие в области безопасности, которое в 2017-2018 гг. только получило импульс к развитию после инцидента со сбитым российским бомбардировщиком.

⁴⁰ Global Terrorism Index 2019. *The Institute for Economics and Peace*. P. 82. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (accessed 18.06.2022).

⁴¹ Türkiye Bülteni. 2019. *AK Parti*. V. 17. № 135. URL: https://www.akparti.org.tr/media/307746/turkiye_bulteni_11_19.pdf (accessed 18.06.2022).

⁴² Tetik Ü. Türkiye'nin Terörizmle Mücadelesinde Çoklu Öncelik Stratejisi. 2019. *SETA*. 03.12.2019. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-terorizmle-mucadelesinde-coklu-oncelik-stratejisi/> (accessed 18.06.2022).

⁴³ Türk Silahlı Kuvvetleri'nin Yaptığı Sınır Ötesi Askeri Harekatlar. 2019. *Uluslararası Politika Akademisi*. 22.11.2019. URL: <http://politikaakademisi.org/2019/11/22/turk-silahli-kuvvetlerinin-yaptigi-sinir-otesi-askeri-harekatlar/> (accessed 18.06.2022).

Россия–Турция: пример международного антитеррористического сотрудничества?

В свете событий, связанных с ростом противоречий между Анкарой, Вашингтоном и НАТО, а также изменившейся конфигурацией сил в Сирии, Турция осознала необходимость поиска новых союзников в антитеррористической борьбе и вскоре вышла на путь сотрудничества с Россией. Попытки установить российско-турецкое взаимодействие в области обеспечения безопасности предпринимались ещё в 1990-х гг. на фоне чеченских войн. Так, в 1992 г. между Россией и Турцией был подписан базовый Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики, статья 19 которого констатирует, что стороны выступают против террористических действий и намерены сотрудничать в области борьбы с международным терроризмом⁴⁴. В том же году МВД и ФСБ России начали осуществлять сотрудничество с МВД Турции, а в 1996 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в борьбе с терроризмом⁴⁵.

Однако если учитывать неоднозначную политику Турции периода чеченских событий и тот факт, что в 2013–2014 гг. ряд лиц из стран Центральной Азии, желающих примкнуть к «оппозиции», ожидали переброски в Сирию именно на территории Турции (Звягельская 2014: 111), станет очевидна несерьёзность Анкары к такого рода сотрудничеству, проявленная ей на ранних этапах российско-турецкого взаимодействия. Переход «эрдогановской» Турции от политики партнёрства с Вашингтоном к Москве состоялся не сразу: после событий осени 2015 г. и восстановления приостановленных двусторонних контактов Россия постепенно начала вовлекать Турцию в орбиту своего влияния, способствуя созданию двусторонних и многосторонних механизмов безопасности и антитеррористического сотрудничества.

Одним из них стал «Астанинский формат» в составе России, Турции и Ирана, нацеленный в том числе на борьбу против ИГИЛ и других группировок. Кроме того, государства начали проводить регулярные переговоры между главами оборонных и других ведомств стран и координировать шаги по борьбе с террористической угрозой. Так, например, в июле 2021 г. Генеральная прокуратура России и Министерство юстиции Турции впервые подписали программу сотрудничества на 2021–2022 гг., затрагивающую в том числе взаимодействие в области борьбы с терроризмом⁴⁶. При этом ранее, в 2018 г., Россия и Турция

⁴⁴ Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. *МИД России*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-351/48617 (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁵ О сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. 2003. *МИД России*. 27.09.2003. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23K1b76LY2/content/id/504690 (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁶ ГП России и Минюст Турции впервые подписали программу сотрудничества. 2021. *ТАСС*. 08.07.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11856109> (дата обращения: 18.06.2022).

подписали Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации в сирийском Идлибе, предусматривающий вывод из региона боевиков⁴⁷, а в 2019 г. – Меморандум о взаимопонимании, согласно которому стороны договорились и далее противостоять терроризму, а также вывести курдские освободительные силы из Манбиджа и Таль-Рифата⁴⁸.

Однако реализация условий документов несколько затянулась. В феврале 2020 г. Р.Т. Эрдоган, по всей видимости решивший пойти ва-банк, вступил в противостояние с сирийской армией, а Россия в ответ обвинила Турцию в невыполнении взятых на себя обязательств и поддержке боевиков артиллерией⁴⁹. Несмотря на то, что позднее, в ходе длительных переговоров, стороны условились прекратить боевые действия, создать в Сирии коридор безопасности и начать в регионе совместное патрулирование⁵⁰, данные события в очередной показали, что сотрудничество Москвы и Анкары в области безопасности не лишено противоречий.

Помимо разных целей в Сирии, проблема главным образом заключается в разных политико-правовых подходах государств к террористическим группировкам. Антитеррористическая миссия России состоит в борьбе с такими организациями, как ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра»⁵¹ и связанными с ними элементами. Турция, напротив, прежде всего нацелена на ликвидацию формирований РYD/YPG и только после этого – на уничтожение «Исламского государства», что осложняет процесс двустороннего сотрудничества. Таким образом, если цель – победить терроризм – в общих чертах у государств совпадает, то трактовка понятия «терроризм» существенно отличается. Кроме того, Турцию не устраивает позиция Москвы по отношению к курдским организациям, которые на территории России террористическими не только не признаются, но и, более того, рассматриваются в качестве партнёров по политическому диалогу. При этом сама Турция всегда активно сотрудничала и продолжает сотрудничать с «Братьями-мусульманами»⁵², идеологические воззрения которых расцениваются как террористические уже на территории Российской Федерации.

Сюда же можно отнести проблему функционирования в Турции ряда ультраправых экстремистских националистических организаций, угрожающих безопасности России в широком смысле – начиная от территориальной целост-

⁴⁷ Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров. 2018. *Президент России*. 17.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁸ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 2019. *Президент России*. 22.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения 18.06.2022).

⁴⁹ Турция продолжает поддержку боевиков в Идлибе ударами по военным Сирии. 2020. *РИА Новости*. 27.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200227/1565301013.html> (дата обращения 18.06.2022).

⁵⁰ Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г. 2018. *МИД России*. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCx-LFJnKuDIW/content/id/4072593 (дата обращения: 18.06.2022).

⁵¹ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁵² Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

ности и заканчивая угрозой подрыва национального единства. В этой связи стоит особенно отметить пантюркистскую организацию «Бозкурт» («Серые волки»), в частности задействованную в эпизоде с убийством пилота российского Су-24⁵³, за что в Совете Федерации предложили рассмотреть вопрос о признании организации в качестве террористической в России⁵⁴.

Имеющиеся проблемы в разделении группировок на террористические и не имеющие отношение к терроризму также отчётливо проявились в ходе процесса формирования Конституционного комитета Сирии, когда государства долгое время не могли согласовать список его участников и отделить террористические группы от оппозиции и других сторон конфликта, предоставив окончательный список лиц лишь к декабрю 2018 г. Тем не менее позитивная тенденция современного российско-турецкого антитеррористического сотрудничества заключается в его продолжении и желании сторон найти компромисс вне зависимости от осложняющей процесс ситуации.

Однако описанные выше противоречия позволяют сделать вывод о том, что эффективность двустороннего сотрудничества России и Турции будет полностью зависеть от дальнейших шагов двух государств. «Неоосманская» политика современной Турции, на сирийском кейсе демонстрирующая, что Анкара не готова отдавать лавры победителя международного терроризма России или ещё кому-либо, однозначно не соответствует интересам Москвы, по причине чего для сглаживания потенциально конфликтных точек обеим сторонам ещё предстоит проделать большую работу на этом направлении.

* * *

В период нахождения у власти в Турции Партии справедливости и развития, эпоха правления которой характеризуется проведением ряда реформ, условная «стратегия» борьбы Турции с терроризмом подверглась кардинальным изменениям. Несмотря на то, что она так и не нашла комплексного отражения в незасекреченных стратегических документах, анализ деятельности руководства государства в области контртеррористических инициатив позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, политика Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом на разных этапах была и остаётся особенно чувствительной к внешнеполитическим переменам, что, в свою очередь, обуславливает её эфемерность и весьма слабую эффективность. В условиях относительно частой корректировки внешнеполитической линии Турция регулярно меняет «правила игры», сосредотачивая ресурсы на борьбе то с одними элементами, то с другими, которые

⁵³ Хроника удара: каким был последний полёт российского Су-24. 2015. *Russia Today*. 24.11.2015. URL: <https://russian.rt.com/world/article/335231-su-24-rossiya-turciya> (дата обращения: 18.06.2022).

⁵⁴ В СФ просят признать террористической турецкую организацию «Боз Гурд». 2015. *РИА Новости*. 30.11.2015. URL: <https://ria.ru/20151130/1332901370.html> (дата обращения: 18.06.2022).

в удобное для властей время внезапно становятся террористическими. Показательным примером в этом плане является признание «Движения Ф. Гюлена» (ФЕТО), созданного ещё в конце 1960-х гг., террористической организацией именно в 2014 г.⁵⁵ после прихода к власти Р.Т. Эрдогана и его обвинений в адрес «фетхуллахистов» в попытках узурпации власти.

Более того, история знает случаи, когда объективность «антитеррористических» инициатив руководства Турции ставилась под сомнение, а вынесенные приговоры даже оспаривались в высших международных судебных инстанциях. Так, например, в 1999 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) счёл «противоречащим свободе выражения мнений, которая гарантируется Европейской конвенцией о правах человека», приговор по делу «Джейлян против Турции»⁵⁶, объявленный в 1993 г. Стамбульским судом национальной безопасности. В рамках него за «подстрекательство к терроризму» был осуждён (а в последствии и приговорён к одному году и восьми месяцам лишения свободы) профсоюзный лидер М. Джейлян – автор статьи «Пришло время высказаться рабочим – завтра будет поздно», опубликованной в 1991 г. в газете *Yeni Ülke*, в которой власти Турции, обвиняемые им в государственном терроризме и геноциде курдов, усмотрели разжигание ненависти и вражды, а также призывы к возмездию⁵⁷. ЕСПЧ же состава преступления не нашёл, что подтверждает теорию о том, что задержание М. Джейляна являлось попыткой исключить из политических процессов лидеров общественного мнения, поддерживающих курдское меньшинство, которое именно в 1993 г. (год вынесения приговора) объявило о намерении создать автономию. Сегодня же ярким примером подобной необъективности являются вышеупомянутые преследования в отношении лидера прокурдской ДПН С. Демирташа.

Такая непоследовательность в итоге приводит не к минимизации угроз, а к их дальнейшему росту. Кроме того, прочно укоренившаяся практика соотношения внешней политики страны с антитеррористической стратегией, вероятно, является одной из причин отсутствия у Турции общедоступной нормативной концепции в области обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом, отражающей долгосрочные задачи страны на данном направлении. Эта особенность в свою очередь делает Турцию достаточно сложным партнёром для сотрудничества в области безопасности с точки зрения других международных игроков и прогнозирования возможного изменения поведения Турции.

⁵⁵ 10 Questions to Understand 15 July Coup Attempt and Fetullah Terrorist Organization. *Secretariat General of the Presidency of the Republic of Turkey*. P. 22. URL: https://www.tcgb.gov.tr/assets/dosya/15Temmuz/onsorudafeto_tr_en.pdf (accessed 18.06.2022).

⁵⁶ Обзор дел о терроризме. *Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности*. P. 46. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Digest_of_Terrorist_Cases/Russian.pdf (accessed 18.06.2022).

⁵⁷ *Ceylan v. Turkey, European Court of Human Rights*. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%22002-6560%22%5D%7D> (accessed 18.06.2022).

Во-вторых, с течением времени в значительной степени претерпела изменения модель борьбы Турции с терроризмом. На ранних этапах деятельности ПСР, в условиях партнёрства с Западом, эта борьба имела более естественный характер и осуществлялась в большей степени вынужденно – прежде всего в целях обеспечения безопасности государства, а также сохранения территориальной целостности страны и предотвращения возникновения на её территории курдских анклавов. С избранием на пост президента Р.Т. Эрдогана и его «поворотом на Восток» акцент с безопасности де-факто сместился в сторону – антитеррористическая деятельность стала восприниматься в первую очередь как возможность для укрепления региональных и надрегиональных позиций страны, обусловленных не всегда оправданными «неоимперскими» амбициями главы государства.

По всей видимости, Партия справедливости и развития во главе с её лидером Р.Т. Эрдоганом стремится повторить успех прошлых лет или как минимум создать иллюзию такого успеха. Подобно тому, как в начале 2000-х гг. ПСР отличалась заслугами в области стабилизации экономической ситуации, теперь, по замыслу президента, правящая элита в его же лице должна закрепиться на страницах истории Турции в роли миротворца, внёсшего особый вклад в общее дело по противодействию международной террористической угрозе. При этом стоит отметить, что если на начальном этапе реализации антитеррористической политики действия Турции встречали поддержку Европейского союза и Соединённых Штатов, на лояльность которых она и была рассчитана, то современные инициативы Турецкой Республики, в частности незаконные с точки зрения международного права военные операции, подрывающие международную стабильность, вызывают скорее негативную реакцию мирового сообщества и на внешнеполитическом треке пока что приносят Турции больше поражений, чем побед. В то же время на внутривнутриполитической арене тематика борьбы с терроризмом, напротив, активно используется ПСР в ходе предвыборных кампаний и остаётся одним из её ключевых инструментов для консолидации значимой части населения вокруг правящей партии.

По этой причине в дальнейшем Турция, вероятно, либо сохранит статус-кво в этом вопросе и продолжит свою политику, несмотря на угрозу оказаться в международной изоляции, либо, что наиболее вероятно, спустя какое-то время будет вынуждена вновь адаптировать политику в области борьбы с терроризмом к стандартам своего внешнеполитического курса. В условиях, когда у Турции нет чётких ориентиров, а западные государства не смогли удержать Анкару в зоне своего влияния, у России есть возможность занять эту нишу, предложив государству такую модель совместной антитеррористической борьбы, которая бы соответствовала интересам Российской Федерации и при этом, могла быть выгодна Турции.

Об авторах:

Владимир Алексеевич Аватков — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Алина Игоревна Сбитнева — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: a_sbitneva@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327, 323
Received: March 03, 2022
Accepted: June 11, 2022

Transformation of Turkey's Anti-Terrorism Policy under the AKP

V.A. Avatkov, A.I. Sbitneva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174)

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: In the era of new challenges and threats, the most dangerous of which has occurred terrorism, the Republic of Turkey becomes one of the key centers of power in the Middle East and pursues the goal to create a regional security architecture around itself as well as to counter various terrorist organizations. The aim of the research is to scrutinize the peculiarities of Ankara's anti-terrorism policy both – inside and outside the country – and its political and legal approaches to understanding the phenomenon of terrorism and methods of its combating.

The study of Russia and Turkey's aspects of interaction is of particular importance. This issue seems to be especially relevant in the scope of strengthening of Russian-Turkish cooperation in recent years including the field of combating terrorism, ensuring global and regional security, and maintaining international stability. As a result of quantitative content analysis of President R.T. Erdogan's public speeches and the use of general scientific research methods, the authors conclude that the fight against terrorist threat, especially the so-called "Kurdish terrorism", is a matter of great importance for the country's leadership. At the same time Turkey's anti-terrorist activity has certain specifics and is characterized by Ankara's desire to lead anti-terrorist missions in different parts of the world and using a predominantly militaristic approach to solving the problem. This approach primarily consists in conducting cross-border anti-terrorist military operations on the neighboring states' territories. However, the military campaigns that have become an integral part of Turkey's anti-terrorism policy in many respects do not contribute to the demolishing of terrorist elements. Instead of that such operations on the contrary become an extra destabilizing factor in the Middle

East. Besides that, due to the peculiarities of Turkey's interpretation of the concept of "terrorism" and its policy's implementation, Ankara's foreign anti-terrorism actions in most cases are limited to the realization of its own interests but not to achieving the goals set within the framework of the ongoing campaigns.

Keywords: terrorism, terrorist organizations, Middle East, Turkey, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, Kurdistan Workers' Party (PKK), PYD/YPG, Fethullahist Terror Organization (FETÖ), Kurds, anti-terrorist operations

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 117418, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21.
E-mail: v.avatkov@gmail.com

Alina I. Sbitneva — Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 117418, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21.
E-mail: a_sbitneva@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Akad M.T. 2015. *Tarihten Bugüne Gayrinizami Savaş* [Informal War from History to the Present]. Istanbul: Kastaş Yayınevi. 288 p. (In Turkish)
- Alan E. 2016. *Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet* [Terror-PKK. 40 Years of Betrayal]. Ankara: Bilgi Yayınevi. 262 p. (In Turkish)
- Altındağ N. 2020. Türkiye'nin PKK Bölücü Terör Örgütü ile Mücadelesine Dair bir Analiz [The Analysis of Turkey's Fight Against the PKK Separatist Terrorist Organization]. *Journal of Anadolu Strategy*. 2(1). P. 33-47. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/993218> (In Turkish)
- Aras B., Toktaş Ş. 2008. El-Kaide, "Teröre Karşı Savaş" ve Türkiye [Al-Qaeda, "The War Against Terror" and Turkey]. *Stratejik Araştırmalar Dergisi*. №12. P. 60-70. URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf (In Turkish)
- Avcı N., Demir C.K. 2017. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Bilimsel Bir Analiz [Terrorism Studies: a Scientific Analysis of Research in Turkey]. *A Journal of Foreign Policy and Peace*. 13(26). P. 1-44. URL: https://gsd.msu.edu.tr/Content/sayilar/dokuman/GSD_26/GSD_26_Art_1_102017.pdf DOI: 10.20991/allazimuth.321155 (In Turkish)
- Balcı A. 2017. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar* [Turkish Foreign Policy: Principles, Actors and Practices]. Istanbul: Alfa. 400 p. (In Turkish)
- Bayraklı E., Ulutaş U. 2018. *FETÖ'nün Anatomisi* [Anatomy of FETO]. İstanbul: SETA Kitapları. 181 p. (In Turkish)
- Bila F. 2016. *İdeolojik Kodlarıyla Kağıt Üstündeki PKK* [PKK on Paper with its Ideological Codes]. Istanbul: Doğan Kitap. 216 p. (In Turkish)
- Çakır N. 2013. *Türkiye'nin Güvenliği ve Terörizm* [Turkey's Security and Terrorism]. Ankara: Korza Yayıncılık. 384 p. (In Turkish)

Çeçen A. 2018. *Türkiye ve Ortadoğu* [Turkey and the Middle East]. İstanbul: Destek Yayınları. 440 p. (In Turkish)

Davutoğlu A. 2011. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu* [Strategic Depth: Turkey's International Position]. İstanbul: Küre Yayınları. 559 p. (In Turkish)

Göksu O. 2019. AK Parti'nin Seçim Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi [AK Party's Election Strategies and Political Campaigns: 2002-2014 Period Analysis]. *Turkish Studies*. 14(3). P. 589-621. URL: <http://turkishstudies.net/files/turkishstudies/6d2b30d2-3a26-42dc-b0aa-e402750f3a26.pdf> DOI: 10.29228/TurkishStudies.22907 (In Turkish)

Inat K., Aslan A., Duran B. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Dış Politika* [The AK Party from its Foundation to the Present Time. Foreign Policy]. İstanbul: SETA Kitapları. 552 p. (In Turkish)

Miş N. Aslan A. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Siyaset* [The AK Party from its Foundation to the Present Time. Politics]. İstanbul: SETA Kitapları. 466 p. (In Turkish)

Oğuzlu T. 2012. Komşularla Sıfır Sorun Politikası: Kavramsal bir Analiz [Zero-Problem Policy with Neighbors: a Conceptual Analysis]. *Ortadoğu Analiz*. 4(42). P. 8-17. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1tarikoguzlu.pdf (In Turkish)

Özdağ Ü. 2015. *Milli Güvenlik Teorisi* [National Security Theory]. Ankara: Kripto Kitaplar. 459 p. (In Turkish)

Şık A. 2017. *İmamın ordusu* [Imam's Army]. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi. 384 p. (In Turkish)

Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. 2011. *Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör Nasıl Bitirilir?* [Terror and Turkey on the International Axis. How to End Terror?] İstanbul: Nokta Yayınları. 344 p. (In Turkish)

Ivanov V.V. 2014. Dvizhenie Fetkhullakha Gyulena v Rossii i stranakh SNG [The Fethullah Gulen Movement in Russia and the CIS Countries]. *Musul'manskii mir*. №3. P. 49-82. (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2016. Ideinaya bor'ba i novaya Turtsiya [Ideological Struggle and a New Turkey]. *MGIMO Review on International Relations*. 2(47). P. 22-31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31 (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2017a. Ekstremizm i terrorism v sovremennoi Turtsii [Extremism and Terrorism in Modern Turkey]. *Pathways to Peace and Security*. 1(52). P. 182-204. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-182-204 (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2017b. *Popytka voennogo perevorota i transformatsiya rezhima v Turtsii* [Military Coup Attempt and Regime Transformation in Turkey]. Zapad – Vostok – Rossiya. D.B. Malysheva, V.G. Khoros (eds). Moscow: IMEMO RAN. 194 p. (In Russian)

Stepanova E.A. 2020. *IGIL i fenomen inostrannykh boevikov-terroristov v Sirii i Irake* [ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq]. Moscow: IMEMO RAN. 198 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3 (In Russian)

Vertyaev K.V., Ivanov S.M. 2015. *Kurdskii natsionalizm: Istoriya i sovremennost'* [Kurdish Nationalism: History and Present State]. Moscow: Lenand. 325 p. ISBN: 978-5-9710-2049-3 (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2014. *Blizhnevostochnyi klinch: konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [The Middle East Clinch: Conflicts in the Middle East and Russian Policy]. Moscow: Aspekt Press. 208 p. (In Russian)

Список литературы на турецком языке:

- Akad M.T. 2015. *Tarihten Bugüne Gayrinizami Savaş*. İstanbul: Kastaş Yayınevi. 288 p.
- Alan E. 2016. *Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet*. Ankara: Bilgi Yayınevi. 262 p.
- Altındağ N. 2020. Türkiye'nin PKK Bölücü Terör Örgütü ile Mücadelesine Dair bir Analiz. *Anadolu Strateji Dergisi*. 2(1). P. 33-47. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/993218>
- Aras B., Toktaş Ş. 2008. El-Kaide, "Teröre Karşı Savaş" ve Türkiye. *Stratejik Araştırmalar Dergisi*. №12. P. 60-70. URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf
- Avcı N., Demir C.K. 2017. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Bilimsel Bir Analiz. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 13(26). P. 1-44. URL: https://gsd.msu.edu.tr/Content/sayilar/dokuman/GSD_26/GSD_26_Art_1_102017.pdf DOI: 10.20991/allazimuth.321155
- Balcı A. 2017. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. – İstanbul: Alfa. 400 p.
- Bayraklı E., Ulutaş U. 2018. *FETÖ'nün Anatomisi*. İstanbul: SETA Kitapları. 181 p.
- Bila F. 2016. *İdeolojik Kodlarıyla Kağıt Üstündeki PKK*. İstanbul: Doğan Kitap. 216 p.
- Çakır N. 2013. *Türkiye'nin Güvenliği ve Terörizm*. Ankara: Korza Yayıncılık. 384 p.
- Çeçen A. 2018. *Türkiye ve Ortadoğu*. İstanbul: Destek Yayınları. 440 p.
- Davutoğlu A. 2011. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları. 559 p.
- Göksu O. 2019. AK Parti'nin Seçim Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi. *Turkish Studies*. 14(3). P. 589-621. URL: <http://turkishstudies.net/files/turkishstudies/6d2b30d2-3a26-42dc-b0aa-e402750f3a26.pdf> DOI: 10.29228/TurkishStudies.22907
- İnat K., Aslan A., Duran B. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti*. Dış Politika. İstanbul: SETA Kitapları. 552 p.
- Miş N. Aslan A. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti*. Siyaset. İstanbul: SETA Kitapları. 466 p.
- Oğuzlu T. 2012. Komşularla Sıfır Sorun Politikası: Kavramsal bir Analiz. *Ortadoğu Analiz*. 4(42). P. 8-17. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1tarikoguzlu.pdf
- Özdağ Ü. 2015. *Milli Güvenlik Teorisi*. Ankara: Kripto Kitaplar. 459 p.
- Şık A. 2017. *İmanın ordusu*. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi. 384 p.
- Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. 2011. *Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör Nasıl Bitirilir?* İstanbul: Nokta Yayınları. 344 p.

Список литературы на русском языке:

- Вертяев К.В., Иванов С. М. 2015. *Курдский национализм: История и современность*. Москва: Ленанд. 325 с.
- Звягельская И.Д. 2014. *Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России*. Москва: Аспект Пресс. 208 с.
- Иванов В.В. 2014. Движение Фетхуллаха Гюлена в России и странах СНГ. *Мусульманский мир*. №3. С. 49-82.

Надеин-Раевский В.А. 2016. Идеиная борьба и новая Турция. *Вестник МГИМО Университета*. 2(47). С. 22-31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Надеин-Раевский В.А. 2017а. *Попытка военного переворота и трансформация режима в Турции*. Запад – Восток – Россия. Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН. 194 с.

Надеин-Раевский В.А. 2017б. Экстремизм и терроризм в современной Турции. *Пути к миру и безопасности*. 1(52). С. 182-204. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-182-204

Степанова Е.А. 2020. *ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке*. Москва: ИМЭМО РАН. 198 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3